

«Мои дети будут говорить по-русски с финским акцентом»

Сотрудники региональных штабов Навального*: как они живут в эмиграции и хотят ли вернуться?

Митинг в поддержку Алексея Навального. Фото: Виктория Одиссонова / «Новая газета»

11:18, 13 мая 2024,

Надежда Андреева

собкор по Саратовской области

В России снова возбуждают уголовные дела по обвинениям, связанным с ФБК*. В Москве, Уфе, Мурманске арестованы журналисты, которых подозревают в подготовке материалов для расследований. Значительная часть активистов уехала из России еще три года назад, когда Штабы* были объявлены экстремистской организацией и закрыты. По подсчетам «Коммерсанта», к концу 2021 года почти половина региональных координаторов покинула страну или готовилась к отъезду. «Новая» спросила у эмигрантов, как складывается их жизнь на новом месте.

«Остаться в России и прятаться по съемным квартирам?»

«Когда я готовилась к сессии на саратовском журфаке, нашла лекцию преподавателя петербургского университета Елены Сониной по истории журналистики. За три века существования российской прессы только девять лет не было политической цензуры. Можно сказать, что сейчас российская журналистика находится в том же месте, что и всегда, — в подполье. То, что делают журналисты, остающиеся в России, — это правда героизм. Я не смогла», — говорит Катя, бывший волонтер саратовского штаба Навального (имя героини изменено по ее просьбе; «Новая» уже [рассказывала](#) ее историю).

Во время президентской кампании 2018 года студентка работала в молодогвардейском штабе поддержки Владимира Путина. «Тогда казалось, — объясняет Катя, — что будут перемены, с новым сроком появится новая партия или проведут ребрендинг». Но руководитель штаба — студент медицинского университета Никита Смирнов — написал в прокуратуру донос на саратовское общество диабетиков. Пациентскую организацию признали «иноагентом». После выборов началась пенсионная реформа. Катя поняла, что не может оставаться в провластных структурах. «Я пошла в штаб Навального. Думала,

что меня выгонят и я закрою гештальт с политикой. Но меня приняли».

Волонтеры «занимались улицами». Проводили пикеты — против подорожания лекарств, мусорной реформы, чиновников, которые не справлялись с уборкой снега. На выборах работали наблюдателями.

В 2019 году у активистки прошел обыск по «делу ФБК» об отмывании денег. «В то утро в гости ко мне приехали родители. Успели поставить чемодан, обняться, и тут в дверь позвонили. На пороге стояли два сотрудника: подполковник Следственного комитета, эксперт и двое понятых», — вспоминает Катя. Пока люди в погонах искали в квартире студентки 75,5 миллиона рублей, тысячи жителей Саратова пытались найти школьницу Лизу Киселеву, пропавшую по дороге на учебу. Как выяснилось, ее убил неоднократно судимый Михаил Туватин, за которым после освобождения должна была надзирать полиция.

После обыска и допроса у Катерины начались панические атаки. Психолог сказала, что это «невроз юной революционерки».

«И все-таки я представить не могла, что уеду. У меня был медиапроект, учеба, работа. Я чувствовала, что нужна в России. И не учила языки, — говорит Катя. — С моим нынешним опытом могу сформулировать главный совет оставшимся: учите английский».

В апреле 2021-го прокуратура Москвы потребовала признать штабы Навального экстремистской организацией. Сторонник оппозиционера Леонид Волков** объявил, что региональная сеть прекращает работу. В сентябре было возбуждено уголовное

дело о создании «экстремистского сообщества». В ноябре в Уфе арестовали бывшего координатора штаба Лилию Чанышеву. «Сразу после этого мы связались со всеми бывшими координаторами, которые еще оставались в России, и предложили любую помощь с выездом: финансовую, организационную и т.п. Не только предлагали — уговаривали», — написал в своем телеграм-канале Волков.

«Стало ясно, что нас не оставят в покое. Я понимала, что в моем случае эмиграция — это прыжок в никуда. Но какой у меня был выбор? Остаться в России и прятаться по съемным квартирам?» — объясняет Катя.

«Крестная считает меня предателем Родины»

Друзья, которые эмигрировали раньше, рассказали, как получили политическое убежище в Финляндии. Саратовчанка решила ехать туда. Два месяца ждала загранпаспорт. Копила деньги. После покупки билетов у нее осталось 300 евро.

Катя до сих пор со страхом вспоминает, как проходила российский паспортный контроль. «Вижу, как сотрудница набирает что-то на компьютере, куда-то звонит, а я не слышу через стекло, о чем она говорит. У меня сердце упало — сейчас не выпустят. Минут 15 она с кем-то разговаривала. Наконец сказала: «Ну летите, девушка, знаем мы ваш отпуск».

Протестная акция оппозиции «Он вам не Царь». Фото: Ведомости / ТАСС. Редакция «Новой» вынуждена заблюрить лица участников акции прошлых лет из-за последующих поправок в антиэкстремистское законодательство

У Кати не было визы. «Я четыре дня добиралась до Финляндии окольными путями. Прилетев из декабрьской Москвы в одну жаркую страну, сутки ждала пересадки, ночевала в аэропорту. В Хельсинки объяснялась с пограничниками через гугл-переводчик», — вспоминает она.

Самым трудным для нее оказалась невозможность общаться с окружающими. «Я получила невероятную мотивацию к изучению языка, начала активно заниматься финским. Это помогало избавиться от тревоги».

Катю несколько раз переводили из одного лагеря для беженцев в другой в разных городах Финляндии. Бытовые условия везде, по ее словам, хорошие, «народу до начала [СВО] было немного». Как объясняет Катя, беженцев, говорящих на одном языке, стараются поселить вместе. «До [СВО] других русскоязычных в лагере не было. Поэтому я жила одна в комнате, но на этаже с

африканцами. Мне очень повезло — это были спокойные чистоплотные женщины с детьми».

24 февраля 2022 года преподаватель языковых курсов, как обычно, включила мигрантам новости на финском языке. «Она посмотрела на меня и сказала: «Представляю, как вам страшно. Держитесь», — вспоминает девушка.

Пришел первый автобус с украинскими беженцами. В комнату Кати поселили тетю Свету. Женщина с одним чемоданом бежала из Мелитополя. Ее взрослая дочь тоже уехала, а сын остался там. Тетя Света рассказала, что 8 лет ездила в Россию на заработки, чтобы построить в Мелитополе квартиру. «Они все говорили по-русски. От этого ситуация казалась еще страшнее», — вспоминает Катя.

Семья Кати остается в России. Родственники поддерживают СВО. «Моя крестная считает меня предателем Родины. А я считаю, что это Родина меня предала.

Я вынуждена бороться с российским телевизором за моих близких. Крестная говорит: «Я этих хохлов терпеть не могу». Я напоминаю: «А как же тетя Света? Помнишь, у нее болела нога, а ты советовала, как ее лечить». Это постоянная надежда: вот я поговорю с человеком, и он придет в себя. Нифига. Вечером будет очередной выпуск новостей».

«Надо заново строить жизнь»

«Общаясь с украинскими беженцами, я переоценила свою историю. Да, я тоже уехала с одним рюкзаком. Но у меня дома тихо, мама и папа живы. Не о чем ныть. Надо просто заново

строить жизнь», — говорит Катя.

Она поступила в колледж на специальность «помощник медсестры». Образование в Финляндии бесплатное.

Для получения международной защиты беженец должен доказать, что ему угрожает опасность на родине. Катя прошла четыре интервью в миграционной службе. «Вспоминаю с содроганием. Интервью длится целый день — с 9.00 до 16.00–17.00. Из тебя душу вынимают, выспрашивают мельчайшие подробности, не давая времени на подготовку».

Акция оппозиции в Санкт-Петербурге, 2018 год. Фото: Ведомости / ТАСС

Девушке дали статус на четыре года. Когда она пришла в бюро занятости за программой интеграции, консультант спросил: «На каком языке мы говорим? Вы меня понимаете? И я вас понимаю. Вы уже учитесь в колледже? Поздравляю, вы не беженец, вы — студент». Студентам не положены пособия,

которые выдают иммигрантам.

«Все мои иллюзии по поводу социального государства развеялись, — смеется Катя. — Я поняла: надо рассчитывать только на себя. Здравствуй, взрослая жизнь».

По словам собеседницы, в Финляндии непросто найти работу, особенно такую, которую можно совмещать с учебой (эта форма трудоустройства называется здесь учебно-трудовой договор). На поиски ушло два месяца. Сейчас девушка работает помощником медсестры в доме престарелых. Получает в среднем 1700–1800 евро плюс доплаты за работу в вечернюю смену и по выходным. Этого хватает на оплату студенческого жилья, на питание и языковые курсы.

«Финны скажут, что это копейки за тяжелую работу. Но я приехала из России, мне есть с чем сравнить. Моя мама — провизор с высшим образованием, заведующая аптекой, — зарабатывает меньше, чем я».

Спрашиваю, удалось ли включиться в финскую среду, или эмигрант живет внутри диаспоры? «Мы все равно будем здесь чужими, — полагает Катя. — Недавно одна из коллег, коренная местная жительница, пришла на работу в слезах. Все утешали ее, спрашивали: что случилось? Оказалось, сложности с автокредитом. И я думаю молча: мне бы ваши проблемы.

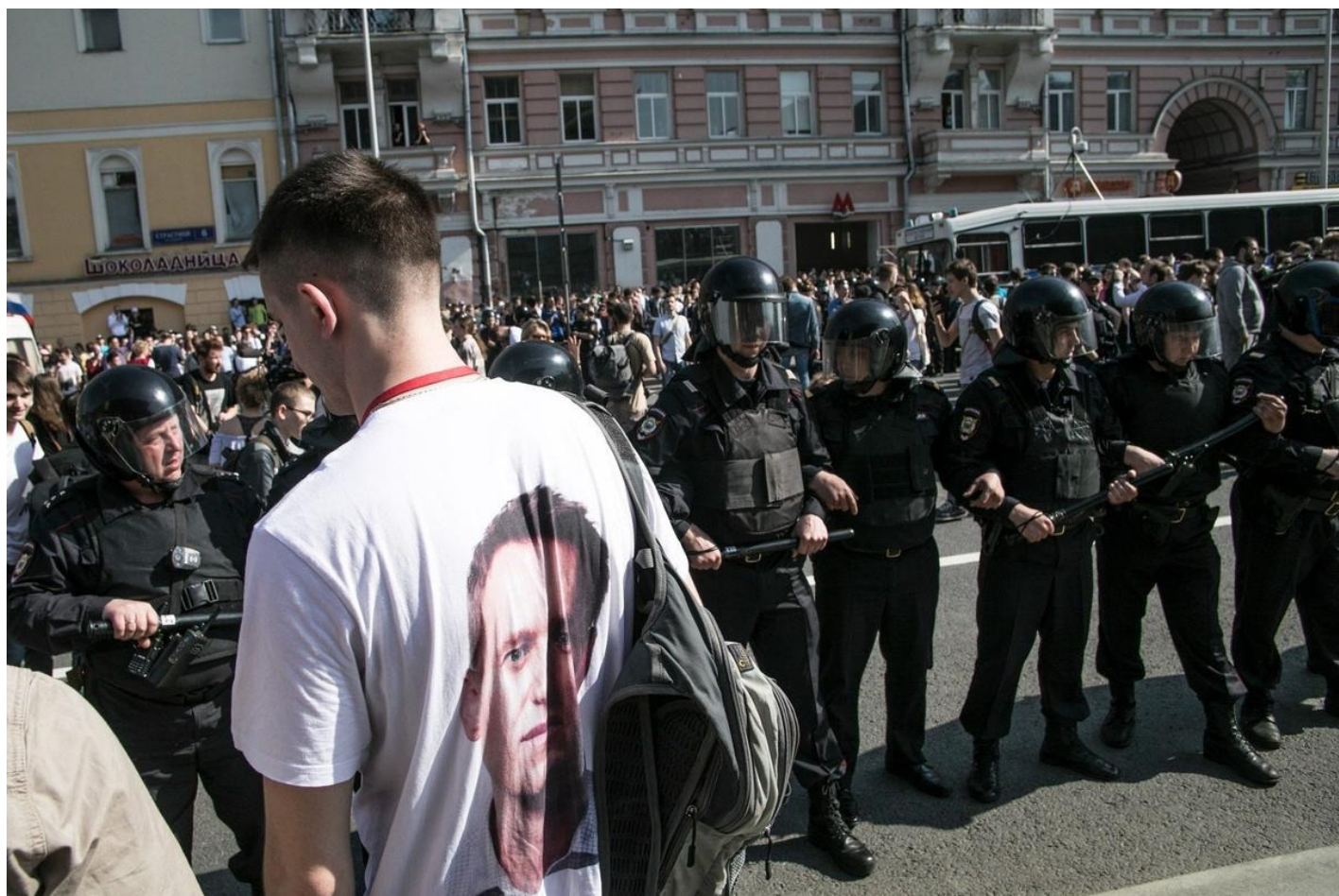

Фото: Влад Докшин / «Новая газета»

Мне сложно представить, о чем бы я могла говорить с финскими ровесницами. Они обсуждают, какая отрасль перспективнее для личного развития — дизайн или IT? А моя карьерная перспектива — мыть бабушкам попы».

Жених Катерины вырос в Европе. «Ему многие мои истории из России кажутся дикими, хотя я рассказываю о чем-то обычном: например, нахамили в больнице, с кем не бывает. Его сестра получает Ph.D. Ей показалось комфортнее писать научную работу, находясь в Гваделупе, — она села в самолет и полетела. Это другая нормальность».

По впечатлениям Кати, эмигрантское сообщество в Финляндии токсично. «Когда мне отказали в социальных выплатах, я написала в русскую группу на Facebook***, попросила тех, кто живет здесь давно, объяснить финские законы. Мне ответили так, что я разрыдалась».

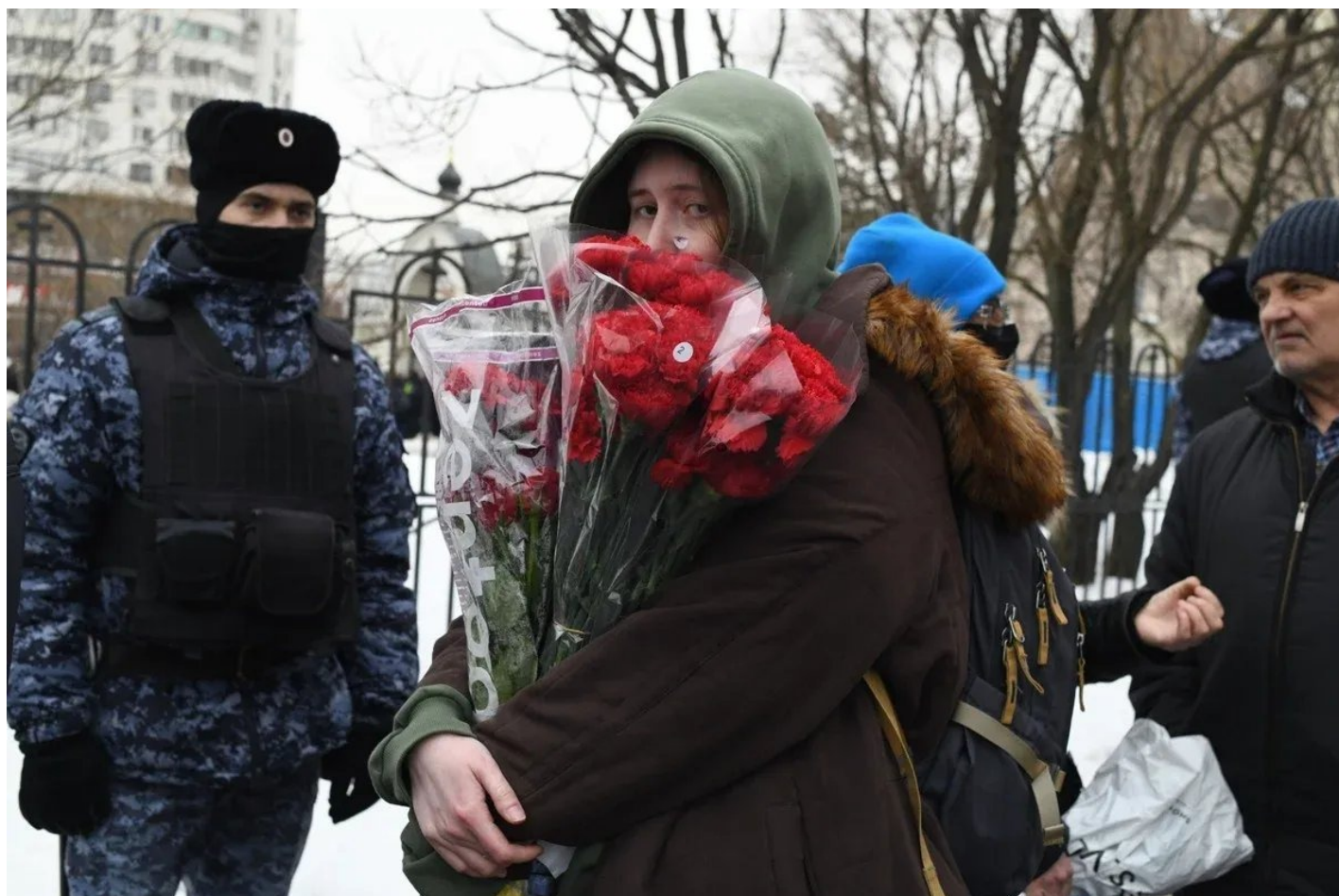
«Мы недооценивали опасность пропаганды. Оказалось, она работает»

16 февраля Катя сдавала экзамен. Выйдя из аудитории, включила телефон и увидела сообщения о смерти Алексея Навального. «Сначала была злость. Потом меня просто накрыло. Но я не могла позволить себе развалиться, мне нужно было закончить смену на работе». Вечером она поехала в центр города, туда уже несли цветы.

«Пока Навальный был жив, была какая-то надежда. А теперь — всё», — полагает она.

Спрашиваю, почему новым кумиром российской молодежи стала Екатерина Мизулина? С начала 2024 года глава «Лиги безопасного интернета» встречается со школьниками и студентами в Екатеринбурге, Тюмени, Казани, Самаре, Саратове, Тамбове, [собирая](#) тысячные залы.

«Школота, которая топила за Навального в 2017 году, выросла. Это молодые люди, которые либо уехали, либо молчат, опасаясь, что компетентные органы припомнят им все, — уверена Катя. — Мизулину обожают подростки, которым полоскали мозги с первого класса. Я это помню по своей учебе в России: однажды преподавательница вместо лекции стала рассказывать нам о «нехороших людях, которые смастерили фейк про дворец [главы государства]». Мы смеялись. Мы недооценивали опасность пропаганды. Оказалось, она работает».

Похороны Алексея Навального. Фото: Алексей Душутин / «Новая газета»

17 марта, в свой выходной, Катя приехала из города, в котором сейчас живет (она предпочитает не называть нынешнее место пребывания), в Хельсинки, чтобы участвовать в проведении экзитпола на выборах президента РФ. Голосование проводилось только на одном избирательном участке в российском посольстве. Дорога в одну сторону заняла три часа. Но, как говорит Катя, это того стоило. «Как будто я на день вернулась в атмосферу штаба. Координатором опроса был нереально умный чувак, выпускник МГУ. Со мной работала молодая семья — интеллигентные ребята, российские айтишники из международной компании».

По сведениям ЦИК РФ, в Финляндии 32,7 процента голосовавших отдали предпочтение Владимиру Путину, 45,3 процента — Владиславу Даванкову, 18,8 процента бюллетеней оказались испорчены. Всего на зарубежных участках Путина поддержали 72,1 процента избирателей. Как полагает собеседница, «в основном это люди, уехавшие в 1990-е. Для них

Россия — уже что-то воображаемое».

Спрашиваю, при каких условиях Катя могла бы вернуться в Россию? «Никогда не вернусь, — твердо отвечает она. — Я столько сил трачу сейчас, чтобы выучить язык, получить профессию здесь, чтобы потом опять начинать с нуля?»

Она планирует подать документы на постоянный вид на жительство в Финляндии. Оформление стоит 600 евро. Согласно недавним поправкам в финское законодательство, для получения гражданства нужно прожить в стране не пять, а восемь лет, кроме того, придется отказаться от российского паспорта. «Для этого нужно пойти в посольство РФ. Если я туда пойду, финская миграционная служба посчитает, что на самом деле мне не грозит опасность на родине, и лишит меня международной защиты. Вопрос — что делать политическим? В такой ситуации оказалась не я одна», — разводит руками Катя.

Она хотела бы сохранить в своей будущей семье связь с русской культурой. «Мои дети родятся в Европе. Я хочу научить их русскому. Я вижу вокруг детей-билингвов, слышу, как они говорят. Финский язык жестче, поэтому у моих детей будет финский акцент в русском».

Школа политической жизни

Даниил Бузанов на митинге. Фото — архив собеседников

«До тюрьмы я не обращал внимания на политическую жизнь. Дрался с одноклассниками, причем часто бывал зачинщиком, ходил на футбол, имел праворадикальные взгляды, обычные в среде фанатов», — рассказывает Данила Бузанов, бывший координатор штаба Навального в Балакове* (Саратовская область).

В декабре 2015 года 20-летний Данила, работавший оператором на колесе обозрения на ВДНХ, подрался со знакомым, который торговал в соседней палатке сувенирами с символикой «ДНР» и «ЛНР». По его словам, причиной стал «застарелый бытовой конфликт». Визави написал заявление в полицию. Бузанов говорит, что был готов признать вину по статье 116 УК «Побои» — экспертиза зафиксировала у пострадавшего ушиб мягких тканей под нижней губой. Но под конец года, когда раскрытое дело по «тяжкой» статье украшает отчетность, задержанному предъявили обвинение по «экстремистской» статье 282 УК. У следователя по особо важным делам нашлись сразу пять

свидетелей, слышавших, как во время драки Бузанов кричал: «Слава Украине!»

Останкинский районный суд признал Бузанова виновным в разжигании ненависти «к социальной группе россиян, поддерживающих позицию ДНР и ЛНР» и приговорил к полутора годам колонии общего режима. «Я обомлел», — описывает свою реакцию на приговор Данила.

«Тюрьма — абсолютное зло, в котором очень тяжело искать что-то положительное. Первые месяцы, когда я осознавал, где я и сколько здесь пробуду, — это, безусловно, худшее время в моей жизни, — вспоминает Бузанов.

— За решеткой было много времени подумать. Я пытался дистанцироваться от тюремной жизни, благодаря чему прочитал немалое количество книг. Встретил несколько исключительно умных, образованных и добрых людей, имевших гуманистические взгляды. Один из них выписывал «Новую газету». Можно сказать, тюрьма сделала меня либералом».

Даже после выхода из колонии трудно было чувствовать себя свободным человеком. В Балакове Бузанова первым делом вызвали на беседу с сотрудниками ЦПЭ. Он оставался в экстремистском списке Росфинмониторинга. «Банки отказывались заводить мне карту. Когда я пытался устроиться на работу, эйчар, глядя в монитор, округлял глаза, звал управляющего, они начинали куда-то звонить и после этого отказывали».

Бузанов освобожден в июне 2017-го, в разгар избирательной

кампании Навального. Молодой балаковец, желавший немедленно изменить мир к лучшему, понял, что хочет быть частью этого драйва, и осенью открыл в райцентре народный штаб («народный» означает, что ФБК не выделял денег на его работу). Данила с гордостью вспоминает уличные акции оппозиции — самые крупные в истории городка — и экологическую кампанию против строительства завода по переработке опасных отходов. Завод, правда, строить не перестали. Но, как отмечает активист, чиновникам хотя бы пришлось «выходить на контакт и оправдываться».

Даниил Бузанов на митинге. Фото — архив собеседников

«Как в любом маленьком городе, стандартной местной повесткой были коммунальные проблемы. Жилой фонд у нас в ужасном состоянии. В первые же морозы лопаются трубы. Во время оттепели начинается потоп, потом — гололед. Дороги

плохие, а общественный транспорт — еще хуже. Люди обращались к нам, потому что не понимали, что им со всем этим делать. Мы составляли жалобы на некачественное содержание улиц. Районная администрация получала от прокуратуры штраф. И проводила ямочный ремонт, потому что на полноценный денег в бюджете не было», — рассказывает Данила. По его впечатлениям, местные чиновники его «просто ненавидели».

В 2019 году у Бузанова прошел обыск. В начале 2021-го его дважды арестовывали на 10 суток и один раз — на 30. Это максимальное административное наказание за организацию несогласованных акций.

Осенью 2021-го на аттракционы в Измайловском парке, где Бузанов работал администратором, пришли три человека в штатском. «Спросили у ребят: «А где Даня? Мы ему денег должны». К счастью, у меня в тот день был выходной. Вечером мне позвонил начальник, попросил завтра обязательно прийти на работу», — вспоминает Бузанов. Он ответил начальнику: «Конечно, приду», — и открыл сайт с авиабилетами. Ближайший рейс вылетал в Ростов-на-Дону.

Из Ростова молодой человек на попутках добрался до Минеральных Вод. Улетел в Ереван. На автобусе доехал до Тбилиси. За сутки пересек две границы и почти не спал.

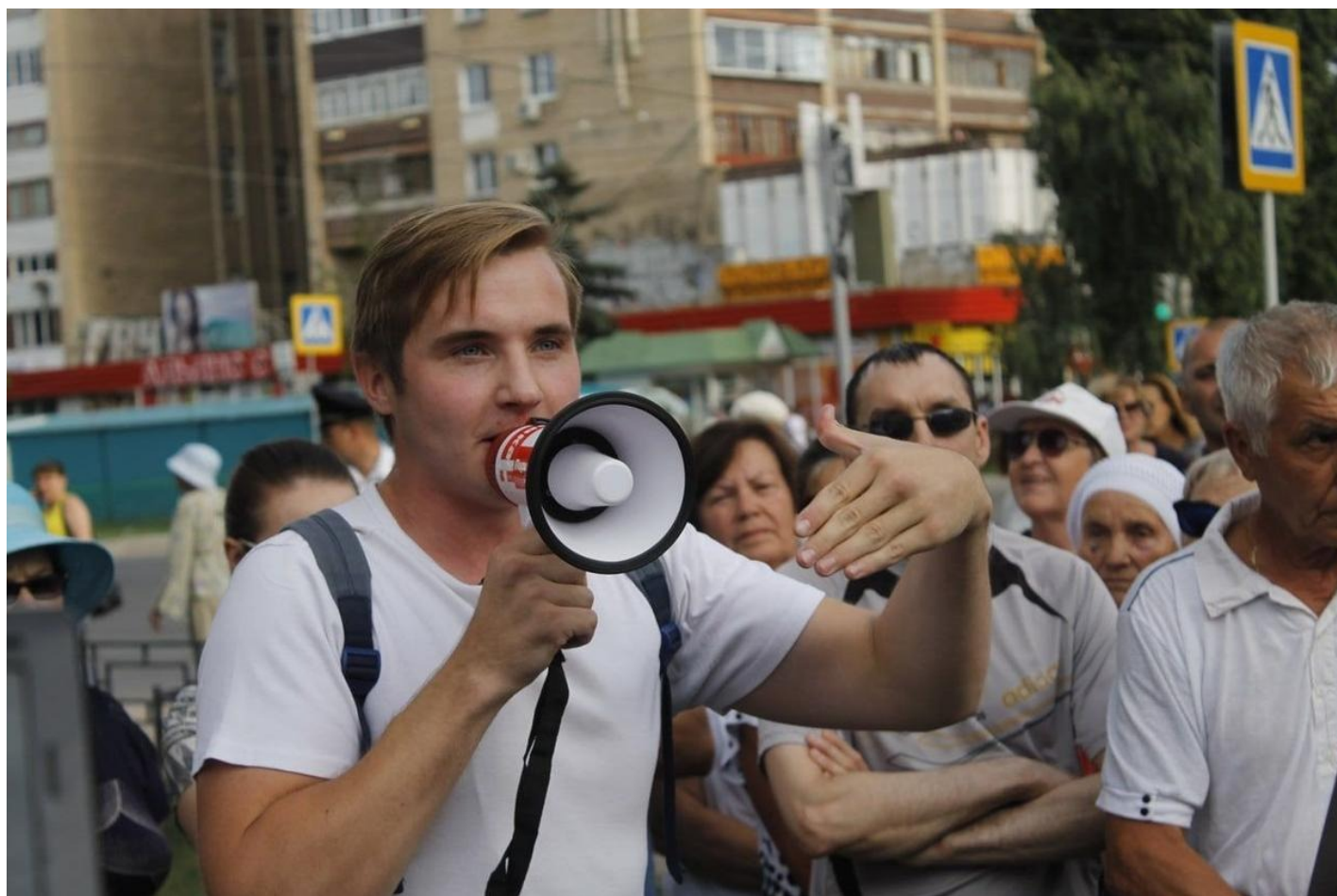
Уже в Грузии Данила узнал, что объявлен в федеральный розыск как подозреваемый по «санитарному делу» за организацию митингов, прошедших в январе 2021-го.

«Страна, у которой получилось»

Бузанов уехал в Польшу, как он говорит, «к сожалению, нелегально». Прямо в аэропорту попросил «азюль» (политическое убежище). «Я хотел именно сюда,

потому что славянский язык выучить чуть проще, — объясняет Данила. — Польша — близкая нам страна, только у них получилось. За последние 34 года здесь появились надежные демократические институты, вызывающие доверие полиция и суд».

Условия в лагере для беженцев под Варшавой оказались «ужаснейшими». Прожив там неделю, активист переехал в хостел, где жили оппозиционеры из Беларуси.

Даниил Бузанов. Фото — архив собеседников

Как рассказывает Бузанов, он довольно быстро получил международную защиту. Закончил курсы польского языка и культуры. «Язык понимаю отлично. Порой даже не различаю, обратились ли ко мне по-польски или по-русски. Но говорю я с акцентом». Он второй год очно учится на политолога в Силезском университете в городе Катовице — это промышленный центр на юге страны. В рамках европейской

программы поддержки беженцев политические иммигранты из России и Беларуси, получившие международную защиту в Польше, так же как и украинские беженцы, учатся бесплатно.

По впечатлениям собеседника, «с приличным знанием языка и ВНЖ здесь не сложно найти простую работу». Бузанов работает в магазине на минимальной ставке — около 4,5 доллара в час. Работу удастся совмещать с учебой, но зарплата получается, по местным меркам, небольшой — 2400–2800 злотых в месяц (600–680 долларов). Студенту платят стипендию — 310 долларов. За комнату в студенческом общежитии он отдает 707 злотых (175 долларов).

«Мы в городе организовали российское комьюнити — чуть больше 100 человек, айтишники и политические», — рассказывает Данила. По его словам, с февраля 2022-го российские беженцы помогали приезжающим в город украинцам, «подсказывали, где переночевать, покупали еду и билеты». Активисты из комьюнити проводят в Катовицах небольшие акции против СВО и Путина. «А еще мы иногда просто собираемся, чтобы вместе выпить пива», — добавляет молодой политик.

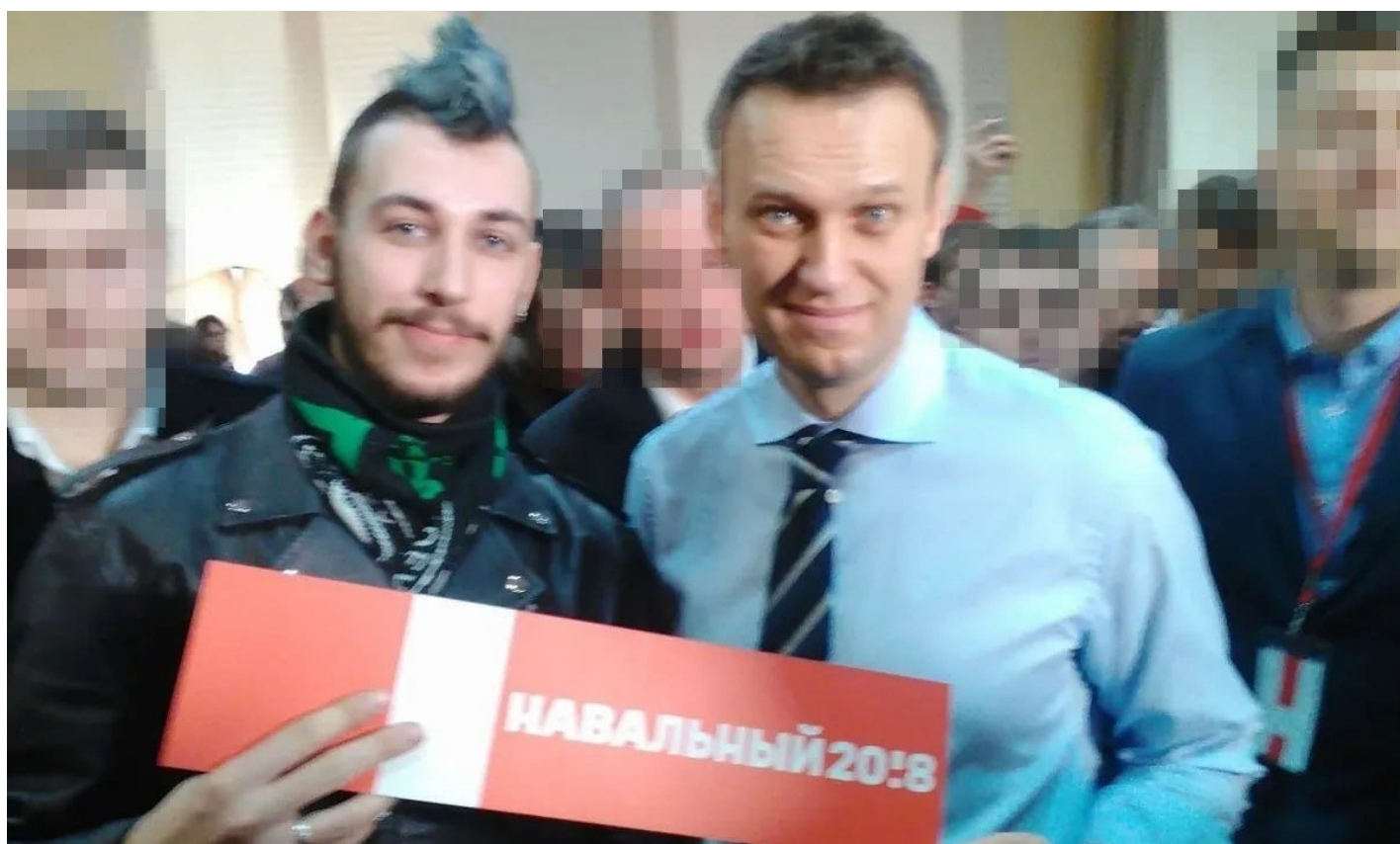
Как говорит Бузанов, после 24 февраля «не было отчаяния, наоборот, хотелось что-то делать. Думал: невозможно же не понимать, где черное, а где — белое, слишком очевидная история!»

Активист публиковал в балаковских группах во «ВК» посты. Балаковский районный суд заочно оштрафовал Бузанова за дискредитацию ВС РФ на 30 тысяч рублей.

«Разногласия между уехавшими и оставшимися в России основываются только на отношении к [СВО]. Это очень болезненный вопрос, причина больших ссор близких друзей и родственников. Самые чувствительные для меня ситуации касаются двух братьев. Один меня везде заблокировал. Второй скидывает мне видео из Z-каналов и пытается оправдать происходящее», — говорит Данила.

Будущий политолог следит за балаковскими и российскими новостями. Читает «Сирену», «Дождь»**, The Insider**, «Медиазону»**, BBC, DW**. «Я очень хочу вернуться в Россию. Как только пойму, что при пересечении границы не буду арестован», — говорит Данила.

«Через три часа меня в стране уже не было»

Андрей Копшев с Алексеем Навальным. Фото — архив собеседников. Редакция «Новой» вынуждена заблюрить лица участников акции прошлых лет из-за последующих поправок в антиэкстремистское законодательство

В 2017 году 18-летний житель Энгельса Андрей Копшев получил водительские права. «Мой отец — священник РПЦ. Он не умел

водить, но по работе должен был много ездить. Я ему помогал, — вспоминает Андрей. — Однажды меня подрезала женщина на дорогом кроссовере. Я успел вовремя затормозить, но она все равно устроила скандал, сказала, что приходится родственницей чиновнику из местной администрации, и пообещала мне неприятности. Через два месяца суд лишил меня прав. Я понял, что столкнулся с коррупцией. Когда появились сообщения, что в Саратове будет антикоррупционный митинг, я решил туда пойти».

Через несколько дней после акции «Он вам не Димон» в техникум, где Андрей учился на высоковольтного электрика, пришли полицейские. Пришли и в университет к его жене, студентке филологического факультета. Молодых супругов оштрафовали. Зато координатор только что созданного саратовского штаба* предложил Копшеву работу.

«Когда искали помещение для штаба в центре города, координатор и СММщик объехали, наверное, сотню адресов. Все отказывали. Согласился только один коммерсант, который жил за границей. Но и он не стал потом продлевать договор», — рассказывает Андрей.

Проблемой была аренда звуковой аппаратуры для уличных мероприятий. «У меня была рок-группа, я знал всех в местной музыкальной индустрии. Добрые люди мне объяснили, что сдавать штабу аппаратуру никто ни за какие деньги не решится. К счастью, у меня была собственная мощная звуковая система, позволявшая устроить гаражный концерт или митинг. Я попросил знакомого привезти колонки в штаб. По дороге его задержали полицейские по подозрению в перевозке краденого имущества!»

Саратовская мэрия, куда оппозиционеры

подавали заявки на проведение митингов, предпочитала не отказывать, а выделять для акций неудобные места. «Летом в жару нам предложили провести митинг на узком бульваре, зажатом между оживленными дорогами.

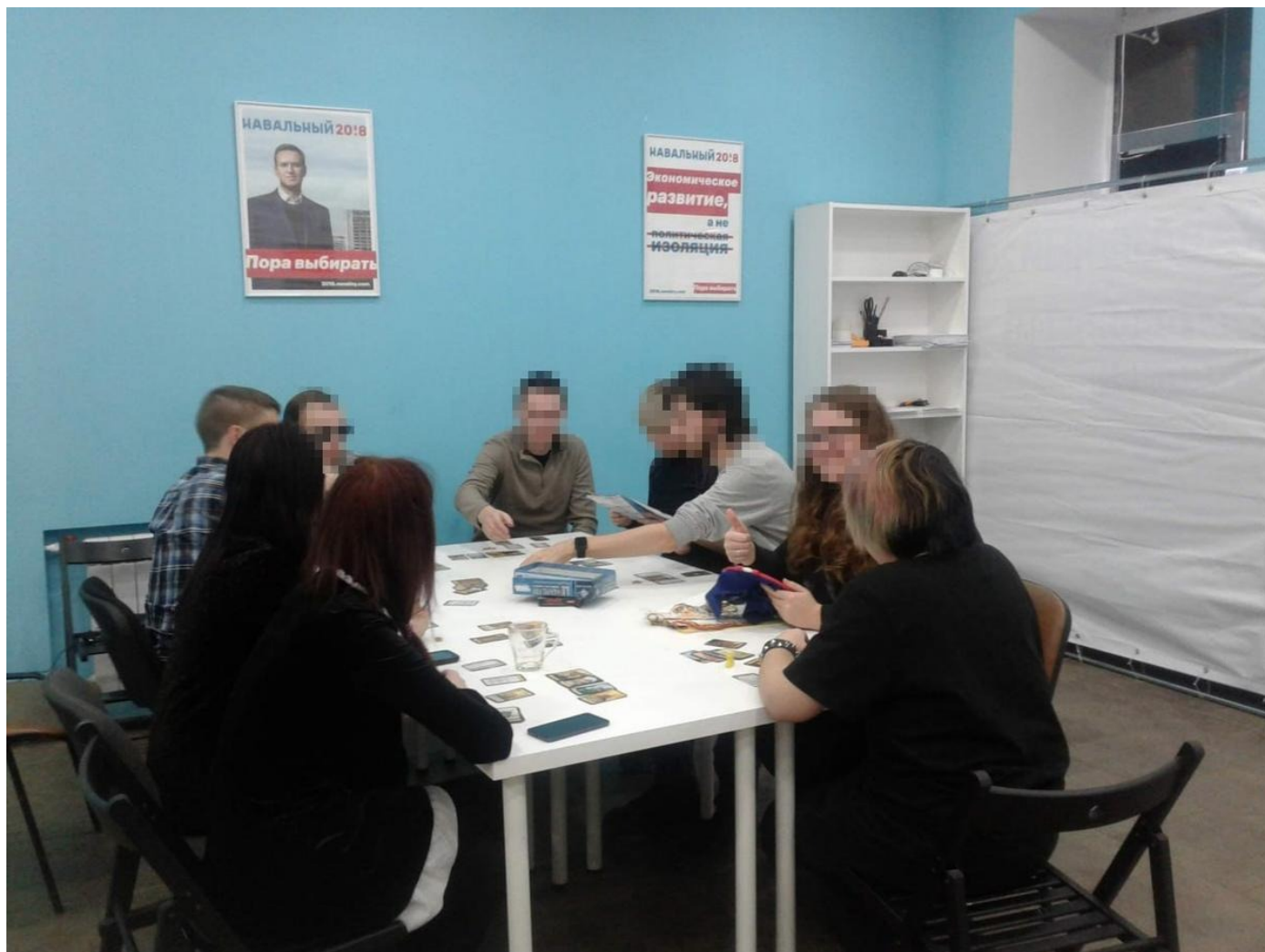
Андрей Копшев на митинге. Фото — архив собеседников. Редакция «Новой» вынуждена заблюрить лица участников акции прошлых лет из-за последующих поправок в антиэкстремистское законодательство

Люди набились в эту аллею, как в вагон метро. Зимой в мороз выделили место на набережной. Волга у Саратова — три километра шириной, ветер со льда ужасающий», — вспоминает активист.

В Саратове Копшева трижды задерживали после акций. Но, как он думает, из-за юного возраста отпускали через сутки-двое. По-настоящему он испугался в московском отделе полиции, куда попал в мае 2018-го в первые минуты митинга «Он нам не царь». «Я услышал, как полицейские в соседнем кабинете

обсуждают, что я уже подхожу под уголовную статью (*так называемая дадинская статья 212.1 УК за повторное участие в несогласованных акциях.* — Н. А.). Честно скажу, у меня сердце ушло в пятки. Я понял, что могу «уехать» на много лет, — рассказывает Копшев. — К счастью для меня, задержанных оказалось слишком много, участки были переполнены, поэтому мне дали повестку и выпустили до суда. Из отдела я поехал в аэропорт, и через три часа меня в стране уже не было».

Из Казахстана Копшев с пересадками добрался до Мексики. Туда прилетела его жена. Молодые люди решили просить убежища в США.

Штаб Навального в Саратове. Фото — архив собеседников. Редакция «Новой» вынуждена заблорить лица на этом фото из-за поправок в антиэкстремистское законодательство

«В Эритрее хуже»

«У меня не было знакомых в США. Никого, кто хотя бы бывал там в качестве туриста. Информацию я мог брать только из YouTube. Мой английский недотягивал даже до школьного уровня», — вспоминает Андрей.

Находясь в Мексике, Копшев нашел в соцсетях человека, представившегося американским иммиграционным юристом, и перевел ему 3 тысячи долларов — почти все семейные сбережения. Результат оказался предсказуем: «юрист» ничего не сделал и потребовал еще \$5000.

«Мы с женой просидели в интернет-кафе в Тихуане (*мексиканский город на границе с США. — Н. А.*) несколько суток. По советам из интернета и методичке миграционной службы США подготовили документы и переслали в Саратов, чтобы сделать заверенный перевод. Моя мама обратилась в несколько бюро переводов, но как только там понимали, что дело связано с политикой, отказывали. Перевод нам сделали только в онлайн-бюро, как ни странно, из Беларуси».

Андрей Копшев. Фото — архив собеседников

«Особенности пересечения американской границы отличаются в зависимости от года и даже месяца перехода. Летом 2018 года это выглядело так: к 7.00 нужно было прийти на КПП, где волонтер записывал желающих сдать ся пограничникам в толстую книгу. Очередь была чуть не в тысячу человек и двигалась очень медленно, так как миграционные тюрьмы в США, куда отправляют всех сдавшихся, были переполнены», — рассказывает Андрей.

Записавшись, Копшевы поняли, что ждать предстоит несколько недель. К тому моменту у них оставалось около 100 долларов.

«В Тихуане развиты три вида бизнеса, если не считать наркоторговлю. Первый — стоматологические кабинеты. В США стоматология очень дорогая, простая пломба стоит тысячу долларов, поэтому многие едут лечить зубы в Мексику. Второй

— аптеки. В США без рецепта ничего, кроме простейших препаратов от простуды, не купишь, а прием у врача стоит 200–300 долларов. В Тихуане можно без формальностей приобрести все, что производит мировая фарма. Третий — проститутки. Единственное место проживания, которое мы могли себе позволить при нашем бюджете, — почасовые отели, которых в Тихуане так же много, как дантистов и аптек».

Однажды ночью в номер Копшевых ворвались люди в камуфляже с автоматами и принялись отдирать мебель от стен. «Это была наркополиция, проводившая рейд по притонам. Наш отель, где можно поспать за три доллара за ночь, — это был, разумеется, притон. Увидев российские паспорта, полицейский выпучил глаза и спросил через Гугл: что вы здесь делаете? «Мы туристы», — ответили мы. Люди в камуфляже покрутили у виска и ушли».

Андрей Копшев. Фото — архив собеседников

Когда денег не осталось совсем, саратовцы переселились в палатку. «Мы решили, что ночевать безопаснее всего на пляже Тихуаны под металлической стеной, которая проходит по границе между Мексикой и США. Там постоянно летают дроны и проезжают автопатрули».

После перехода границы нелегалов поместили на несколько дней в «обезьянник» при КПП, затем этапировали в детеншен-центр. Миграционные тюрьмы в США — частный бизнес. Эти учреждения сильно отличаются друг от друга. «У меня в Сан-Диего были очень мягкие условия содержания. Офицеры миграционной службы ходили в пляжной одежде. Это же Калифорния. Визуально мой детеншен похож на огромный ангар. Вдоль одной стены устроены два яруса комнат на восемь человек каждая. В общей зоне есть телевизор, диван, настольные игры. Можно ходить на спортплощадку или в библиотеку. Там была даже полочка с русскими книгами — научно-популярной литературой, изданной в СССР», — рассказывает Андрей.

Из 128 задержанных в его блоке было только пятеро русских. «У эмигрантов из Восточной Европы самый простой путь в США. Главное, купить билет на самолет. Беженцы из Эритреи рассказывали, что за попытку эмигрировать в США у них предусмотрена смертная казнь. Поэтому сначала они едут в Эфиопию, оформляют вид на жительство, затем — заграничный паспорт. Перебираются в Бразилию и платят наркокартелям, чтобы через горы попасть в Мексику. Это смертельно опасные тропы. Люди готовы умереть, лишь бы не остаться на родине. Так что бывает и сильно хуже, чем в России», — смеется собеседник.

Бесплатный правозащитник, навещавший нелегалов, объяснил Копшеву, что для суда нужно сжато изложить историю политических преследований: «Судья, который решает вопрос о предоставлении убежища, не может знать законы всех стран, из

которых бегут в Америку. Его задача — проверить правдивость претендента. Правозащитник предупредил, что судья, задавая вопросы, будет оперировать не нормами российского права, а моими собственными словами». Как рассказывает активист, уже на середине выступления судья сказал, что решение принято, — но попросил договорить, «ему было интересно, чем все кончилось».

Голливуд тоже наш

Копшевы поселились в Денвере. Благотворительная организация, поддерживающая беженцев из Африки, помогла супругам снять жилье, выдала купоны на продукты и на проезд в общественном транспорте. Через русскую баптистскую общину Андрей нашел работу на стройке.

Андрей Копшев. Фото — архив собеседников

Несколько месяцев спустя, накопив денег, переселенцы купили дом на колесах и решили: «Проедемся, посмотрим, как люди живут». Автомобиль 1989 года выпуска обошелся в 5 тысяч долларов. «Длиной он был, как полторы «Газели». Внутри можно было встать в полный рост и чуть-чуть подпрыгнуть. Помещались кровать, кухонный уголок, диван. Не хуже, чем микростудия в Москве», — смеется Андрей.

Пользоваться туалетом и душем в древнем авто (да, там умещался и санузел) владельцы не решились. «За 30 долларов мы купили абонемент в фитнес-сеть, залы которой есть во всех городах США. Там и мылись».

Копшевы проехали Юту, Аризону, Неваду и добрались до Лос-Анджелеса. «В отличие от Москвы, которая растет в высоту, Лос-Анджелес растет в ширину. Большая часть жилья здесь — частные дома. Они занимают гигантскую территорию, — поясняет Андрей. — Русские живут довольно компактно в Голливуде, Восточном Голливуде, Маленькой Армении (*это городские районы Лос-Анджелеса. — Н. А.*), в Западном Голливуде, Северном Голливуде, Глендейле и Бербанке (*это небольшие города неподалеку от Лос-Анджелеса. — Н. А.*). Здесь даже социальную рекламу на билбордах печатают по-русски».

Копшев работал сначала в компании по доставке еды. Потом перешел в такси. Планирует «пересесть на грузовик, там зарплата будет в полтора-два раза выше».

«Жена поначалу устроилась официанткой в русскоязычный ресторан в Голливуде. Клиенты туда приезжают на таких машинах, каких и в кино не увидишь. Бизнес процветает. Но за две недели работы жене заплатили в три раза меньше, чем

положено по минимальной ставке. Это далеко не единственный пример. Русскоязычные работодатели пытаются экономить на своих, — отмечает Андрей. — Не стоит поддерживать ни деловых, ни дружеских связей с местными русскими. Чем дольше здесь живу, тем больше убеждаюсь, и подтверждения очень болезненные. Знаю, что в других сообществах выходцев из Восточной Европы, например, в армянской диаспоре Лос-Анджелеса, отношения между людьми совершенно другие».

Чуть больше года назад переселенцы взяли в ипотеку дом в предместье Лос-Анджелеса. «В нашем городке около 10 тысяч жителей. Много пенсионеров, которые выбрали это место из-за горного воздуха. Здесь озера, сосны. Зимой даже бывает снег», — рассказывает Андрей. Он подчеркивает, что оплачивает ипотеку, коммунальные услуги, связь и содержание двух автомобилей с одной зарплаты в Uber.

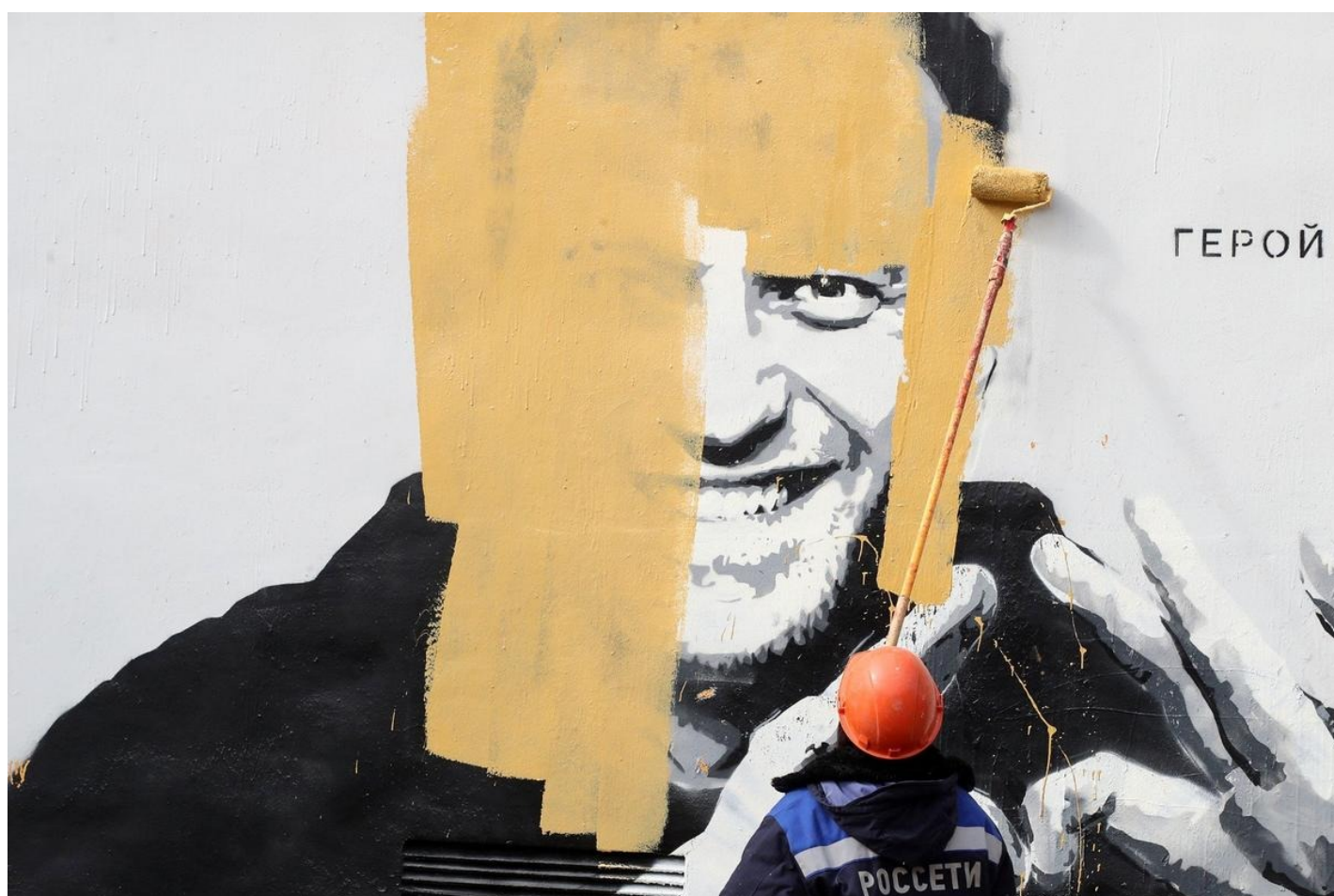
«Тему России я для себя закрыл»

В феврале 2022 года Копшева и других активистов штабов Навального, живущих в Лос-Анджелесе, пригласили на встречу с Леонидом Волковым. «Собралось человек двадцать. Заходит Волков, говорит: «Я приготовил речь, но теперь она не нужна. [СВО] началась». Все схватили телефоны. Один из работников штаба сразу продал акции — у него было на 20 тысяч долларов! И продал в два раза дешевле, чем покупал», — вспоминает Андрей.

В ВСУ оказался его друг детства, живший в Днепре. «У моей жены мама с Украины. Теща переехала в Саратов в советские времена. Теперь родственники, оставшиеся там, с ней не общаются», — говорит Копшев.

На аватарке в Telegram у него стоит фотография со встречи с Навальным, который приезжал в Саратов в 2017 году. «Вместе с ним я похоронил свои надежды.

Мне хотелось верить, что Навальный, как Нельсон Мандела, выйдет из тюрьмы, и у него все-таки что-то получится. Я представлял, что лет в 80 приеду в Россию, посмотрю, как там все поменялось. Теперь — нет. Лет через десять перетащу сюда родителей, и всё, тему России я для себя закрыл».

Граффити с изображением Навального в Санкт-Петербурге. Фото: Александр Демьянчук / ТАСС

Как считает собеседник, «в России нет никаких противовесов, удерживающих человека, стоящего у власти, от того, чтобы натворить бед». «В США даже самый злонамеренный президент не ломает страну. Его остановит другая ветвь власти, не Конгресс — так судьи, ну или все вооруженное население США, — полагает Андрей. — Здесь очень политически активное

население, которое не позволяет властям лишнего.

Например, недавно местная администрация решила разогнать бездомных, живущих в палатках на берегу озера в Голливуде. В тот же вечер у мэрии собралась толпа народа, посчитавшего это решение негуманным. Палатки на озере стоят, а чиновники скромно утерлись. Вы представляете, чтобы в России начальников, которые попытались обидеть кого-то беззащитного, смогли поставить на место? На человеческом уровне мне такое поведение граждан очень импонирует. Я проведу свою жизнь здесь, и никто меня отсюда клещами не вытянет».

* ФБК и штабы Навального признаны «иноагентом» и экстремистской организацией и ликвидированы, их деятельность в РФ запрещена.

** Внесены минюстом РФ в реестр «иноагентов».

*** Принадлежит компании Meta, которая признана в России экстремистской и запрещена.

**** Властями РФ признаны «нежелательными организациями»

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Все как-то разом навалынилось](#)

Судьбы людей, работавших в штабах Навального*: что они делают после разгрома оппозиции

11:55, 20 октября 2021, Надежда Андреева undefined